

Лу Сяофэн взглянул — ц-ц, действительно, серьезный Хуа Ци Тун невероятно мил. Каждое его слово — правда. Надо запомнить это, вдруг когда-нибудь можно будет издать сборник изречений Ци Туна и передать его потомкам.

После короткой паузы Цин Цю медленно покачал головой:

— Не зная внутренней сути, как можно судить о делах? Вам, господа, не стоит больше уговаривать меня. Если бы я мог отпустить и принять, я бы сейчас не находился здесь.

Услышав это, Лу Сяофэну мелькнула мысль:

— Кто ты на самом деле?

Но Цин Цю уже повернулся, и люди на вершине собрались вокруг, закрывая Лу Сяофэну и Хуа Маньлоу обзор. Они могли лишь наблюдать, как его фигура исчезает в густом белом тумане.

— Здесь даже дома нет, оставлять нас, Лу Е и Хуа Е, под открытым небом?

Лу Сяофэн, глядя на сотню вооруженных людей, почесал нос, и на его указательном пальце мелькнул яркий свет от Кольца Феникса.

Хуа Маньлоу раскрыл веер, слегка помахал им и вдруг прикрыл нос:

— Брат Лу, туман на вершине какой-то странный!

Лу Сяофэн, заметив его движение, тут же закрыл обоняние и увидел, как первые ряды людей с мечами уже бросились в атаку, стремительно и яростно. Когда они приблизились, Лу Сяофэн уже собирался ударить ногой, но увидел, что они вдруг присели, и мечи, которые должны были рубить сверху, теперь двигались горизонтально. А сверху все еще сверкали клинки — оказывается, второй ряд людей уже незаметно подошел.

— Хуа Маньлоу, осторожно!

Взлетев вверх и приземлившись на острие меча, Лу Сяофэн предупредил Хуа Маньлоу.

— Черт, эти ребята совсем не такие, как те, что были с Цин Е. Их боевые навыки не уступают Теневым стражам из резиденции Хуа. Видимо, это личные воины, выращенные Цин Цю с детства.

Хуа Маньлоу тоже был окружен людьми. Противники, очевидно зная, что он слеп, использовали тактику плотного окружения, став вокруг него со всех сторон. Пять техник дзен Бодхи в этот момент не помогли, и Хуа Маньлоу мог полагаться только на свой слух и острое восприятие, чтобы предугадать атаки. Эти воины были не только искусны в боевых навыках, но и обладали превосходным мастерством цигун. Если бы не превосходство Хуа Маньлоу во внутренней энергии, ему бы было сложно справиться.

Оттолкнув нескольких человек, Лу Сяофэн исчез, и воины не успели сообразить, как бледно-голубая тень вернулась, а в руках Лу Сяофэна оказался небольшой кусок бамбука, который он использовал как меч.

— Встречайте Пришествие Небожителя!

Он крикнул, и подбежавшие воины остолбенели.

Хотя они находились в Шу, они знали многое о мире рек и озер. По крайней мере, все знали, что Пришествие Небожителя — это уникальная техника Е Гучэна, правителя Белых Облаков. Но разве этот человек не Лу Сяофэн? Лу Сяофэн с четырьмя бровями.

Но им некогда было размышлять. Лу Сяофэн кричал о Пришествии Небожителя, и его техника меча действительно была молниеносной и острой. Несколько ударов — и одежда на их груди была проколота. Пока они смотрели вниз, обутая в голубые туфли нога взлетела, и несколько ударов сбили мечи из их рук.

— Цин Цю не сказал вам, что во время боя не стоит слушать мои слова?

Лу Сяофэн бросил бамбуковую палку, использовал цигун и, пройдя сквозь толпу, нажал на их акупунктурные точки, хлопнув в ладоши. Он с удовлетворением наблюдал, как его сторона завершает бой, и, повернувшись к одному из воинов, стоявших рядом, сказал:

— Этот воин смотрел на него с негодованием, но без сопротивления. Лу Сяофэн не только нажал на все их акупунктурные точки, но и заблокировал точку немоты. Теперь они даже не могли отравиться. Такая скорость и мастерство действительно впечатляли.

Лу Е повернулся, чтобы посмотреть на Хуа Маньлоу. Тот тоже использовал веер как меч, применяя свою собственную технику меча Плывающих Облаков.

Техника меча Плывающих Облаков, как следует из названия, отличается легкостью и гибкостью, бесконечными изменениями. Для Хуа Маньлоу это должна была быть самая сложная техника, но он использовал ее с легкостью и естественностью. Лу Сяофэн, наблюдая за ним, не мог сдержать улыбки — кто сказал, что в мире есть только Симэнь Чуйсюэ, Бог меча, и Е Гучэн, Небожитель меча? Его Ци Тун тоже идеально подходил для использования меча. В простоте проявлялась эlegantность, в обыденности — изысканность. Он смягчил холодную строгость меча, добавив аромата цветов, и в спокойствии и умиротворении победил противников.

Люди, окружавшие его, становились все слабее. Столкнувшись с техникой меча, лишенной убийственного намерения, но полной сострадания, они постепенно забывали, как противостоять ей. В их сердцах, полных лишь веры в месть и восстановление страны, зародилось сомнение — за что они сражаются?

Хуа Маньлоу почувствовал замедление их движений, слегка вздохнул и остановился, вытянув правую руку. Сложенный Веер из ста костей быстро вращался в его ладони, а когда вылетел, каждая кость отделилась, едва касаясь лба каждого человека. Несколько капель крови выступили, но в густой ночной тьме они выглядели не страшно, а скорее заставляли задуматься, словно проникая прямо в их сердца.

Когда кости вернулись, Лу Сяофэн внезапно протянул руку и, опередив Хуа Маньлоу, поймал веер. Хуа Маньлоу, недоумевающая, протянул руку.

— Кровь, не запачкай руки, — Лу Сяофэн улыбнулся, сдувая капли крови с прозрачных костей, прежде чем передать веер Хуа Маньлоу, и добавил:

— Жаль, что я потратил весь день, чтобы найти для тебя картину гор. Это же работа мастера Чунлуаня.

Хуа Маньлоу взял веер, пальцы его скользнули, и веер раскрылся, показывая неповрежденную поверхность. Как раз в этот момент тучи рассеялись, и луна снова появилась. Его улыбка вдруг стала ярче:

— Я думал, ты занят спасением девицы Линлун от Цин Цю. Чунлуань — твой старый друг, разве не хватило бы одной чашки чая, чтобы попросить его нарисовать веер?

— Как минимум две чашки! — возразил Лу Сяофэн, широко раскрыв глаза. — Когда он узнал, что это для тебя, его техника стала гораздо более изысканной, чем обычно!

Хуа Маньлоу помахал веером, и горный пейзаж на нем заколебался, показывая бесконечную красоту.

— Правда?

Военные, все еще находящиеся в шоке с обеих сторон, очнулись и снова погрузились в глубокое недоумение — разве они не должны были захватить этих двоих и доставить обратно? Что сейчас происходит, разве это не чаепитие на вершине?

Лу Сяофэн посмотрел на них:

— Что, хотите поболтать?

Военные молчали.

— Жаль, но даже если хотите, я не позволю!

Он почесал подбородок и добавил:

— Запомните, в этом мире есть только один человек, ради которого я, Лу Сяофэн, готов с радостью и наглостью болтать.

— Кхм-кхм, спускайтесь, пора возвращаться и ждать вестей от второго брата.

Хуа Маньлоу, едва он закончил, уже повернулся. Ветер поднял его развевающиеся полы одежды, создавая ощущение нежности.

Военные смотрели на его спину в оцепенении — человек, который только что спокойно и без единого вздоха разделался с ними, почему сейчас вдруг покраснел?

Лу Сяофэн подошел, помахал рукой перед их глазами и подмигнул:

— Мой, не смотрите.

...

Что же произошло сегодня вечером? Этим вопросом военные задавались всю дорогу, пока их вели обратно в постоялый двор «Шучжун». Даже проходя через Бамбуковое море, которое они обычно почитали, они забыли проявить уважение.

Да, что же произошло?

Вести всех обратно в постоялый двор «Шучжун» было нереально. Лу Сяофэн уже представлял, как хозяин Дань-эр будет в ужасе, увидев столько людей. Поэтому они свернули к ближайшему Махуфу, чтобы временно задержать их там. Уездный начальник Махуфу, услышав, что в его владениях появились такие наглые преступники, побледнел и сразу же отправил людей окружить Мучуань, чтобы исправить ситуацию.

Когда все было улажено, они вернулись в постоялый двор «Шучжун» уже на следующий день после полудня. Они думали, что к этому времени Симэнь Чуйсюэ уже должен быть на пути в столицу, но, войдя внутрь, они увидели — ого, толпу людей.

— Второй брат?

Хуа Маньлоу, почувствовав знакомую атмосферу, догадался. Только его второй брат мог устроить такой прием. Говоря о Хуа Эр Шао, это был удивительный человек. Семь сыновей семьи Хуа, все с выдающейся внешностью и разными характерами. Согласно традициям семьи Хуа, каждый сын развивался в своей области, не пересекаясь с другими. Хуа Маньлоу с детства был слеп, и семья, полная жалости к нему, не предъявляла к нему особых требований, позволяя жить так, как он хочет. Что касается его шести братьев, то они с детства воспитывались строго, и каждый из них достиг успеха в своей области: торговцы стали лидерами в бизнесе, чиновники — выдающимися в политике, мастера боевых искусств — героями мира рек и озер, а те, кто изучал литературу, стали выдающимися писателями.

<http://bllate.org/book/16229/1458455>